

И.Л. Андреев

АФРИКАНСКАЯ ПАРАДИГМА ВРЕМЕНИ. ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ КО ВРЕМЕНИ У НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Андреев Игорь Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: iglandreev@mail.ru

Предметом статьи является философско-антропологическое и этнопсихологическое исследование специфики смыслопонимания и алгоритмов восприятия времени как объективного условия бытия и матрицы традиционного сознания африканских народов, живущих южнее Сахары, а также отношения к нему в структуре их индивидуальной и групповой жизнедеятельности. Автор приходит к выводу, что западный менталитет ориентирован главным образом на рациональное понимание места человека в мире (природе и обществе), развивающемся во времени, а восточный в большей степени направлен на чувственное осмысление отражения эволюции локальной природы и конкретного социума в самом человеке (его теле и духовности) при психологически «выключенном» социальном времени в том виде, как его трактует западная культура. Материал статьи дает основание поставить под сомнение подспудно транслируемую гуманитарной наукой и массовой культурой универсальность европоцентристских интеллектуальных стереотипов философии Нового времени, которая концентрировала внимание преимущественно на инструментально-логическом взаимодействии человека с окружающей его природной и социальной средой при жестком темпоральном нормировании его жизнедеятельности. Напротив, в «природных» цивилизациях Востока менталитет населения нацелен в большей степени на таящее в себе нераскрытый потенциал социальной пассионарности внутреннее психологическое единство бесконечного во времени традиционного социума перед лицом внешнего природного и социального мира.

Ключевые слова: человек, время, часы, традиционное сознание, общение

Птица Времени, белый морской орел,
Несет меня из чужого французского “сегодня”
В родное африканское “всегда”.

Леопольд Седар Сенгор

Человек во времени и время в человеке

Системный анализ динамики образов прошедшего и контуров будущего в эволюционно-эпистемологическом контексте неизменно упирается в сложнейшую философскую проблему времени. «Ни одна сфера жизни природы и человеческой деятельности, – пишет П.П. Гайденко, – не обходится без соприкосновения с реальностью времени: все, что движется, изменяется, живет, действует и мыслит, – все это в той или иной мере связано со временем... Неудивительно, что время относится к тем реалиям, которые с глубокой древности определяли смысловое поле человеческого мировосприятия. Характер рассмотрения времени, способ включения его в систему других *категорий мышления*, так же как и основные *интуиции времени*, определяют самосознание различных культурно-исторических периодов»¹. *Категории мышления и интуиции времени*, выделенные в процитированном отрывке, имеют различный удельный вес в сознании сменяющих друг друга цивилизационных систем.

Для оценки подобного рода ситуаций предложен принцип *единства времени и пространства действия*. Его оригинальную интерпретацию предложил академик Г.А. Заварзин, изучавший процессы эволюции микромира планеты, длившейся миллиарды лет. Если в настоящем «мы наблюдаем *здесь и сейчас... реально существующее действительное*», то «прошлое может обладать действительностью в той мере, в которой приходит в настоящее как результат, хотя оно обладает действительностью в полной мере *в исчезающем времени*. Будущее относится к области возможного и оценивается по вероятности, как, например, неизбежная смерть живого существа; будущее не реализовано и находится в области пространства возможностей, не воздействующих на настоящее *здесь и сейчас*»². Единственное, что здесь вызывает возражение, – это непропорциональное, на мой взгляд, дистанцирование процесса становления будущего от воздействия на него *здесь и сейчас* многофакторного и противоречивого настоящего, в котором, в свою очередь, латентно заключены, как в деревянной русской матрешке, различные системы темпоральных артефактов – свидетельства того, что было реальным и социально значимым *там и тогда*, а иногда задержалось в сознании и традициях до наступления существующего действительно и выступающего предметом исследования *здесь и сейчас*.

Время, наряду с пространством, – ключевая координата человеческого бытия. Различные социумы по-своему воспринимают, используют, организуют и осознают временные параметры жизнедеятельности. Вероятнее всего, исходным толчком к улавливанию и последующему закреплению в лабильной психике наших предков временных ритмов, циклов и иных параметров окружающего мира и собственной жизнедеятельности стало использование *огня* и формирование членораздельной *речи*. Трепетно-нервное, притягатель-

¹ Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006. С. 519.

² Заварзин Г.А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссентас // Вестник РАН. 2007. № 4. С. 336.

но-изменчивое, волнующе-динамичное пламя костра околдовало человека эпохи палеолита. Все другие живые существа бежали от огня. Пращур его приручил. Но огонь, будучи источником повышенной опасности, не только давал свет и тепло, но и диктовал определенный ритм совместной и наперед рассчитанной деятельности по его поддержанию. Примечательно, что мифы об огне и даровании человеку речи свыше гораздо моложе, нежели мифы о воде и представления о появлении Слова как фактора очеловечивания, причем сам огонь, как и речение, неизменно коррелирует с образом энергичного и динамичного мужчины, способного надежно обеспечить жизнь и защиту своему потомству и всему первичному микросоциуму.

В свою очередь, восприятие нашими древнейшими предками пространственной организованности даже ближайшего окружения оставалось односторонним, плоским и весьма расплывчатым, пока не была выделена и зафиксирована его закономерная связь со временем. Это означало интеллектуально-чувственное освоение временной структуры мира как объективного следования событий (изменений) друг после друга, рядом друг с другом либо различение стадий качественного преобразования окружающих предметов и сил, живых существ и их свойств. Эволюционные резервы индивидуальной психики позволяли все более корректно и тонко улавливать *бестелесность времени* и объективную ритмику бытовой жизнедеятельности, включая звуковой ее аспект. В свою очередь, это явилось мощным фактором развития виртуальной дифференциации воспринимаемого индивидами времени и, в известной мере, управления им в интересах социума.

Приходя в этот мир, мы очеловечиваем и тем самым маркируем непосредственно не воспринимаемое органами чувств время, окружающее и пронизывающее нас. Во всяком случае, даже самое элементарное выделение себя из времени опирается на зачатки рефлексии. Из этого вытекает бывшая предметом дискуссий в отечественной науке конца XX в. проблема «человечности» времени. Имеется в виду трактовка его субъективности именно в духе собственности, принадлежащей лично субъекту – стратегу собственной жизни, а не оценочно-субъективистское истолкование феномена времени, которое, по мнению авторитетных психологов, в свое время резко затормозило развитие генетической теории личности³. Иначе говоря, человеческое время формировалось вместе с человеком и, в известном смысле, в нем самом: в его теле, мозге, генах, в его сознании, отношениях, поступках. Постепенно по мере усвоения центральной нервной системой пространственных взаимоотношений субъективное время индивида обогащалось за счет выявления фактов его природной аритмии: смерть, болезнь, климатические катаклизмы, затмения, землетрясения, наводнения, извержения вулканов и т. п. С этим было связано постепенное отделение от *настоящего* вначале *прошлого* (в виде аккумуляции опыта), а затем и *будущего*. И если психическое освоение пространства древнейшими предками имело физиологическим фундаментом развитие бинокулярного, стереоскопического, цветного зрения, то более емкое восприятие ими временной структуры бытия опиралось на развитие органов слуха и качественно новое место в их жизнедеятельности акустического фона среды и воспроизведения звуковых сигналов, прежде всего в процессе дивергенции мышления и речи⁴.

Конечно, осознание как бы стянутой в одну точку временной структуры бытия поначалу вызревало в рамках пространственных представлений – как локально-конкретных, так и абстрактно-космогонических – и лишь посте-

³ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991. С. 126, 134.

⁴ Андреев И.Л. Зрение и слух как маркеры генезиса сознания // Вопр. филос. 2012. № 7. С. 156–166.

пенно отслаивалось, отличалось, дистанцировалось от них. Внешняя (независимая от индивида) последовательность событий и процессов становилась внутренним психологическим временем индивида, регуляция которого в принципе могла исходить не только извне по отношению к нему, но и изнутри его в виде потребностей, желаний, воли самого субъекта, переживающего эмоционально и оценивающего в понятиях события, действия, их результаты (ожидаемые, побочные, непредвиденные). Именно таким образом формировалась предпосылка субъективного выявления казуальных, причинно-следственных отношений объективного мира⁵.

Живая природная субстанция

Архаический образ жизни, истоки которого скрыты в глубинах процесса возникновения человека и человечества, предполагает необходимость решения проблем выживания путем организации деятельности людей в пространстве их обитания⁶.

В сознании африканца, живущего в Африке южнее Сахары, преобладает чувственно-ассоциативное, художественно-образное восприятие времени как своего рода живого, но невидимого Существа, как некоей находящейся за «кадром» реальной видимой жизни и вместе с тем пронизывающей ее естественной Субстанции, специфического фрагмента вездусущей Природы. Времени придается в большей степени поэтическая, нежели рациональная окраска⁷. Действительно, живущему в условиях природной цивилизации африканцу часы ни к чему. Лишняя тяжесть и помеха. Время для него, будто собственная тень, неизменно рядом, да в руки не дается. Его нельзя сохранить, засушить, заключить в *калебас* (сосуд из высушенной тыквы), потрогать, понюхать, попробовать на вкус, увидеть, услышать. Оно – в движении звезд и смене времен года, в фазах Луны, круговороте дня и ночи, чередовании сухих и дождливых сезонов, рождении и взрослении детей, смене поколений, возвращающей родившимся «освободившиеся» имена ушедших в тень абстракций предков. Время – это то, что «сейчас». То, что было, и то, что будет, когда-то прошло и/или неоднократно пройдет через неизбежное, непосредственно переживаемое «сейчас». Время безбрежно, безмерно и безразмерно. Ему нет цены. Оно выше вещей, настроений, утрат. И только европейцы, по убеждению большинства африканцев, еще не утративших психологическую связь со своим племенем, вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, безжалостно подстегивают его: часто смотрят на часы, куда-то мчатся, стремятся обогнать время, не понимая, что оно-то и есть сама жизнь. А спешить вообще никуда и никогда не надо. Спешить – плохо! И тем, кто спешит, нервничает, ошибается из-за этого. И тем, к кому спешат: они ведь не только стойко переносят тяготы ожидания, но и чувствуют переживания стремящихся не опоздать на встречу. Искусственно подстегивая время, скрупулезно считая его, но при этом не считаясь с ним самим, европейцы даже не думают, что могут причинять ему боль и страдания, которые вряд ли останутся неотмщенными.

⁵ Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.

⁶ См.: Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1988.

⁷ Andreev I.L. A Handless Dial // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2003. Vol. 73. No 1. P. 54–61.

Однажды тема африканского отношения ко времени стала предметом моей беседы с профессором Абдуллаем Шарлем Даниоко⁸. «Наши крестьяне, – размышлял вслух бывший министр образования и науки своей страны, защитивший одну из своих диссертаций, связанную с творчеством Р. Оуэна, в Оксфорде, а вторую, посвященную Сен-Симону, в Сорбонне, – смотрят на Солнце, а не на часы. Даже многие чиновники и другие городские жители еще толком не усвоили астрономического и математического значения времени. И с этим приходится считаться. Я – выходец из сельской местности. У нас в деревне и в семье – естественное отношение ко времени, диктуемое ритмами природы». А потом вдруг темпераментно развернул ход чинного салонного разговора, заявив в духе афоризма одного из французских королей: «Время – это Я. Но ему не дано “иметь меня”, распоряжаться мною. Его нельзя игнорировать, с ним надо считаться, но не стоит попадать к нему в кабалу, становиться рабом неодоушевленной часовой стрелки». Ему как бы вторит крупный ивуарийский поэт Бернар Буа Дадье: «Мы будем всегда загадкой для вас. / Ибо мы – дети Солнца» («Маски»), а в другом его стихотворении содержится еще более резкая оценка западного культа абсолютизации времени в метафорическом африканском смыслопонимании: «Я смерть на руке ношу, / Смерть бредовой Европы. / Я не люблю часов» («Не люблю»).

Африканцем, не учившимся в Европе и не состоявшим на государственной службе, время и сегодня воспринимается под углом зрения достаточно комфортной вписанности в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности. Сроки сельскохозяйственных работ в родной деревне регулирует природа, а прием или поиски пищи инициирует голод, мысль об отдыхе – усталость. Для подавляющего большинства африканцев восприятие времени менее значимо и менее развито, нежели на удивление великолепная ориентация в пространстве, которую можно без преувеличения назвать природным «чувством местности». Представления о времени обычно небогаты впечатлениями и ассоциациями, как бы «сплющены» до подчас элементарного различения того, что было, – «давно», и того, что есть, – «сейчас». Еще сложнее обстоит дело с размытостью границы между «сейчас» и «потом», затрудняющим планирование даже самого ближайшего будущего.

Чувственное саса и ментальное замани

Кенийский профессор философии и писатель Дж. Мбити предпринял попытку построения африканской модели времени и роли представлений о нем в структуре архаического менталитета⁹. Время для африканца, по его убеждению, – простая *совокупность событий* (а не мерных единиц), которые были, происходят сейчас или вот-вот произойдут. То, что, по всей видимости, состоится в силу ритмов (сезон охоты, голод, роды беременной женщины) примыкает к реальному времени как его потенциальная и, в принципе, неизбежная разновидность. Само время в традиционных представлениях самого крупного в Кении племени *кикуйя* включает две его разновидности, функционирующие параллельно. Первая из них – осязаемое, насыщенное красками, образами, эмоциями, живыми впечатлениями, сопереживаниями время; оно охватывает то, что прожито, прочувствовано, хранится в памяти, либо непо-

⁸ Абдуллай Шарль Даниоко был Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Мали в Москве в 1994–1999 гг.

⁹ *Mbiti J.S. African Religions and Philosophy. N.Y., 1969; Idem. Concepts of God in Africa. L., 1970.*

средственно грядущие события, например инициация, празднество, важный ритуал. Это конкретное бытовое микровремя носит название *sasa*. Так же называется охотничья сумка с атрибутами охоты либо самыми ценными кусками добычи. Напротив, другой тип времени – вербально-логическое, оно охватывает то, что воспринимается как давно прошедшее, время предков и их духов, сказаний и мифов, включая представления о появлении людей и социума. Это макровремя называется у кенийцев *замани*. *Sasa* индивида меньше, чем *sasa* всей совокупности ныне живущих. Чем старше человек, чем больше событий он непосредственно пережил и помнит, тем больше его *sasa*, тем ближе он к заветному *замани*. Но даже физическая смерть не переводит его автоматически в сферу *замани*. Лишь полностью порвав с чувственным образом, хранящимся в сознании потомков, память о нем сакрализуется; он из предка превращается в духа, чья законная и желанная обитель – вожденное потустороннее *замани*. Посюстороннее *sasa* как бы ввинчивается в потустороннее *замани*, достигая его и растворяясь в нем, будто река, впадающая в море. Но само время *sasa* тоже весьма своеобразно и многослойно, напоминая своего рода хронологический сэндвич. К тому же *sasa* обладает, в отличие от монолитного *замани*, известной эйнштейновской гибкостью. Оно легко претерпевает трансформацию сжатия и расширения. И изгибается, как лист Мебиуса, не прерываясь, а переходя из одной реальной временной субстанции в другую, например, в ритмике смены поколений и периодического обновления реального и виртуального «населения» традиционного социума. *Замани* выступает не как кладбище ушедшего времени, а как сокровищница опыта и мудрости народа по аналогии с историческими хрониками, эпосом и мифом.

Исключительная жесткость исходных канонов традиционного поведения имела поначалу чисто нейрофизиологический смысл сохранения и воспроизводства первичного рода как ячейки нового биологического вида. Видимо, здесь и скрыты истоки жестко непрерываемой *вневременности* продиктованных индивидам мудрыми предками *вечных* алгоритмов поведения и психологических клише *восприятия времени*. В процессе антропосоциогенеза жесткая неотвратимость отступления от *временных канонов* первичного социума закреплялись групповым отбором в пробуждавшемся сознании наших пращуров в виде системы безоговорочных, аксиоматических запретов табу и ритуального освящения указаний тех, кто по возрасту и связанному с ним социальному статусу находился ближе остальных к истокам жизни, к ее первооснователям-предкам, к заветному *замани*. Незримая *власть замани*, истоки которой сознание отдельного индивида не в силах уловить, представляется индивиду вечной, несокрушимой, фатальной. Отсюда – прочное убеждение, что каждое *sasa* незримо зиждется на скрытом в глубинах видимого мира энергетически неисчерпаемом и неуничтожимом *замани*. Захваченные старейшинами позиции вблизи *замани* обеспечивали почетную монополию эксклюзивного общения с ним и трактовки младшим его потребностей. От него идет ток регуляции жизни традиционного социума; этот алгоритм был отшлифован действием закона естественного отбора, начиная с далекой эпохи зари антропосоциогенеза.

Лучшая новость – отсутствие новостей

Сложнее обстоит дело с отношением традиционного сознания к будущему. Бросается в глаза устойчивый комплекс осторожности по отношению к пока не свершившемуся, а потому еще не известному будущему, инстинктивная боязнь изменений, которые оно может с собой принести. Ведь доподлинно неизвестно, какой станет жизнь *там* и *тогда* по сравнению с имеющимся *здесь и сейчас*. В такой ситуации для африканца, погруженного в традиционный образ жизни, ограниченный, но надежный, лучшей новостью вполне может оказаться именно отсутствие новостей.

Тенденцию африканского духа к стабильности, равновесности, балансу всех сторон бытия и сознания очень образно выразил через понятие *туду* мальгашский философ и политический деятель Ришар Андриаманзату. По его мнению, в этом несущемся с сумасшедшей скоростью и уже потерявшем эффективное самоуправление мире нет ничего надежнее и практичнее, нежели следовать выверенным временем маршрутам поведения мудрых предков. Главная задача человека и человечества – не нарушить хрупкую равновесность Вселенной как божественного творения. Такая беда, в результате неосмотрительности, неосторожности и тем более умысла, неминуемо скажется не только на самом нарушителе, но и на его близких, потомках и предках, чуть ли не на всем человечестве и всей живой природе¹⁰. Ведь человек – всего лишь гость в ее доме, в лучшем случае – актер в любительской пьесе, которая разыгрывается на фоне естественных декораций, априорно нуждающихся в безупречно бережном отношении к себе. Сохранение социального гомеостаза, *status quo*, незыблемости веками апробированного порядка вещей, обычаев и запретов имеет функцию прежде всего предохранительную. Другой аспект мышления человека, живущего в условиях и ритмике первичного социума, которое Л. Леви-Брюль именует «пралогическим», – явное преобладание логики совпадений над присущим евроамериканской культуре принципом естественнонаучной казуальности. В любой случайности африканец видит чью-то волю, промысел или умысел¹¹. Отсюда – крайняя консервативность. Стремление делать то, что делали до него, не особенно задаваясь вопросом: «Зачем?». В такой ситуации любая инициатива может оказаться наказуемой. Юнг описал весьма колоритный сюжет о Восточной Африке. Некий миссионер соорудил перед своим домом флагшток, чтобы по случаю праздника водрузить на нем британский флаг: «Эта невинная затея могла обойтись ему очень дорого, так как некоторое время спустя после его крамольного поступка разразилась опустошительная буря, которая, разумеется, была соотнесена с флагштоком»¹². Поэтому всякое новаторство следует тщательным образом закрепить мощным якорем традиций, выявить в нем тенденцию «возвращения славного прошлого», нечто вроде гегелевского закона отрицания отрицания, только «опрокинутого» назад, к былому, которое, преодолевая нынешнее смутное время, необходимо воссоздать и сохранить на будущее.

Когда на Мадагаскаре была провозглашена социалистическая ориентация развития, суть последней понималась руководителями страны и тем более простыми людьми не иначе, как восстановление поруганной колонизаторами местной общины – *фукунулуны*, оплота традиций и духовности ма-

¹⁰ *Andriamanjato R.* Le Tsiny et le Tody dans la pensee malgache. P., 1982. P. 83.

¹¹ *Шушков С.* Преступление и наказание в мире магии, мифов и колдовства // Наука и жизнь. 2016. № 1. С. 42–54.

¹² *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 161.

лагасийского этноса. На первый взгляд, формула «будущее – в прошлом», преобразованном с учетом позитивных достижений человечества, психологически удачно схватывала связь времен на историческом перекрестке, где волею судеб оказался Мадагаскар.

В обыденной жизни связь и круговорот времен малагасиец видит в том, что ныне живущие, оказывая почести умершим, способствуют их благополучию в загробном мире. В свою очередь, прозорливые и благодарные предки при необходимости обязательно придут с советом и помощью не только к нынешнему поколению, но и к тем, кто еще не родился. Мало того, предки не сбрасывают со своих плеч и другие проблемы, стоящие или встающие перед потомками всех колен, включая заботу о сохранении для них флоры и фауны, миропредставлений и ритуалов. Ибо только все вместе они владеют богатствами и решают проблемы родной земли, а потому сама мысль о возможности ее раздела и приватизации – кощунственна. Иное дело быть собственником кустов и деревьев, растущих на общей земле: ведь в их выращивание и уход за ними вложен труд конкретных людей. К тому же они не вечны, со временем уходят, как и люди, в отличие от неподвластной времени традиционной общей собственности на землю.

Впрочем, логика возврата к «источнику предков» не является панацеей от всех возможных конфликтов. Мир слишком переменялся. Поэтому цепляние за традиции ради сомнительного, по большому счету, комфорта исторически затвердевшей ментальности отнюдь не однозначно выступает фундаментом социальной стабильности, как в далекие времена. Напротив, оно может стать почвой регрессивных процессов, а подчас и кровавых столкновений между сторонниками «разного» прошлого. Историческое время трудно, болезненно и очень рискованно поворачивать назад. Стрелки Часов Истории могут не выдержать таких волонтаристских метаморфоз, сломаться и ввергнуть целые народы, страны и регионы в пучину кроваво-трагического безвременья. Недаром в обыденном сознании африканца до сих пор превалирует модель баланса, равновесия, согласия.

Отечественные африканисты давно обратили внимание на защиту природы обычным правом в странах Тропической Африки, в частности, бережного отношения к животным: как к домашним (за жестокое отношение к ним владелец получает от нарушителя крупную компенсацию, а вождь солидную сумму штрафа), так и к диким. Надзор за фауной осуществляется специально выделенными для этого людьми. На них возложена функция сбережения природы от возможных негативных воздействий в течение всего времени жизни данного поколения. Смысл их деятельности в том, чтобы в максимально неизменном виде передать благодарным потомкам экологическое наследие, оставленное трудолюбивыми, заботливыми, почитавшими природу предками¹³.

Иными словами, в Тропической Африке для сотен миллионов людей сегодня новации не столько притягательны, сколько нежелательны. Они отпугивают, ибо неизбежно предполагают риск нарушения заведенного предками «нормального» порядка вещей. Только с позиций тянущегося из глубин истории африканского менталитета понятен так называемый *танзанийский прецедент*. На всенародных выборах кандидаты, обещавшие избирателям изменения, направленные на улучшение их жизни, неизменно проваливались. Напротив, депутатами становились защитники традиций предков, консерваторы. Во многом по аналогичной причине отложенный спрос и отсроченное

¹³ Синицына И.Е. В мире обычая. М., 1997. С. 59, 64–65.

потребление, предоплата и хранение продуктов на условиях консигнации, кредитование, дача в долг и жизнь займы, столь типичные для Запада, почти не известны Африке. По крайней мере, за пределами городов, в основном столичных и портовых.

Разброс систем архаического времяисчисления весьма широк. Это может быть простая веревочка с узелками, предназначенными для того, чтобы точно в срок объявить о каком-то конкретном посюстороннем событии, не пропустить праздника или ритуальной «встречи» с душами предков. Еще интереснее – параллельное существование в традиционном календаре малых (иногда четырехдневных) недель, называемых ярмарочными, и больших (нередко восьмидневных) недель, включающих также рабочие дни. Другая шкала – подсчет сухих сезонов (обычно с их помощью фиксируют свой возраст деревенские старики), от которых – всего шаг к понятию календарного года и европейской системе определения времени. К ее принятию склонна в первую очередь молодежь, особенно в городах, где есть телевидение, кинотеатры, дискотеки, клубы, кафе, другие увеселительные заведения и мероприятия, функционирующие в ритмах западных стандартов.

Прогулка на «тот» свет

Согласно традиционным африканским представлениям, жизнь никогда не кончается, если она организована разумно, то есть выверенным поколениями мудрых предков образом. Время жизни не прерывается сменой поколений. Их невидимо скрепляет объединяющая связь с общим Предком, в свою очередь, обусловленная кровным родством и вытекающей из него *общностью «жизненного пламени»*¹⁴. При этом власть «коллективного бессознательного» (говоря словами К. Юнга) настолько устойчиво притягательна, что даже мудрейший и интеллигентнейший Президент Сенегала Леопольд Сенгор (1906–2000 гг.), «европейский африканец» и «африканский европеец», занимавший пост вице-спикера Национального Собрания Франции, колеблясь и мучаясь, горячо стремясь к лучшему будущему, явно страдал ностальгией по «славному прошлому» и его племенным атрибутам. В поэме «Возвращение блудного сына» чаша весов сомнений поэта склоняется к озаренному романтикой благородству бессмертных предков, маски которых «с презрением смеются в лицо бездушному Времени», рождая жгучее желание «омыть ноги, покрытые грязью Цивилизации».

Ушедшие в тень возрождаются в потомках, которые не устают почитать и славить предков, постепенно одухотворяя последних, составляя вместе с ними и с теми, кто еще не появился на свет, в ком они когда-то возродятся вновь, единое духовно нераздельное и неразрывное во времени сообщество, своего рода нескончаемый этносоциум. Поэтому общение с ушедшими в мир иной предками – весьма распространенный виртуальный феномен африканского обыденного сознания. Примером может служить похожее на воскресную прогулку пребывание на «том» свете главного героя романа камерунского писателя Монго Бети «Исцеленный король» (Mongolo Beti. *Le Roi miracle*). Изюминкой сюжета является ситуация, когда вождь многочисленного племени Эссомба Мендуга, истерзанный тяжелой болезнью, принял под нажимом настойчивого местного миссионера христианство, но заметного облегчения отнюдь не почувствовал. А потому вскоре отказался от веры белых, поскольку

¹⁴ Senghor L.S. *Liberte* 1. Negritude et humanisme. P., 1964. P. 74.

чересчур реальная при его эпикурейском образе жизни перспектива попасть после ее завершения прямоком в ад и гореть там в вечном пламени вождя не прельщала даже ценой выздоровления. Ей он предпочел традиционные представления об однозначно благополучном, надежном, родном, по-своему даже желанном «том свете», унаследованные от предков. Побывав некоторое время в инобытии, он по истечении кризиса болезни пришел, наконец, в сознание. И настолько образно с яркими житейскими деталями и характерными для традиционного менталитета красочно-динамичными диалогами объяснил соплеменникам свое отнюдь не христианское, а вполне реальное воскрешение, что не могу удержаться от соблазна привести его полностью.

Эссомба Мендуга, цитирую Монго Бети, предпочитал рассказывать своему другу, как обстоят дела на «том свете», где ему довелось погостить; он помнил до мельчайших подробностей свою встречу с предками и со всеми душами племени, собравшимися по этому случаю на большое совещание, на котором председательствовал сам Акомо. И вот что они сказали ему в завершение долгой беседы: «Зачем же ты явился сюда, если племя еще не может без тебя обойтись? Ты истинный сын Акомо, и мы с величайшей радостью приняли бы тебя навеки в наши ряды, но мы можем и подождать. А они? Что они там, на земле, будут без тебя делать? Нет, возвращайся к ним, живи среди них. Мы сами тебя позовем в урочный час...». Вот что они ему сказали – слово в слово. И Акомо отозвал его в сторонку, чтобы шепнуть еще несколько словечек в утешение, ибо, сказал он, они понимают, как тяжела жертва, которую они от него требуют, опять посылая его в мир живых, где полно случайностей и где происходят вещи странные, необъяснимые, если не сказать нелепые. «Да, я вернулся из дальних краев», – вздыхал вождь, заключая свой рассказ. И все дружно ему поверили. Потому что именно такой они представляли себе скрытую от посторонних глаз тайную обитель предков, куда предстоит рано или поздно войти каждому, достойному того, из числа ныне живущих¹⁵.

Поскольку африканский менталитет обращен к прошлому, а традиционное время свободно течет вспять, к тому, что уже состоялось и является фундаментом настоящего, постольку предки – наиболее почитаемая часть анимистического коллектива¹⁶. Зная это, не стоит удивляться, когда из уст крупного африканского ученого звучит: «Те, кто умерли, не исчезли бесследно. Они – повсюду. В трепещущей листве акации и толстом стволе баобаба, в стоячей озерной воде и в искрящихся брызгах водопада. В подземелье и в фамильном склепе, в малолюдной саванне и в городской толпе, ибо умершие вовсе не умерли навсегда»¹⁷. Такова позиция первозданного анимистически-языческого пантеизма, согласно которому Природа – вечно живой, вездесущий, непрерывно обновляющийся организм. Она едина, совокупна, взаимосвязана и нераздельна с людьми, рождающимися, живущими и умирающими в ее материнских объятиях.

¹⁵ Монго Бетти. Исцеленный король. М., 1966. С. 102.

¹⁶ Senghor L.S. Nation et voie africaine du socialisme. P., 1961.

¹⁷ Цит. по: Dogbé Y.E. Negritude, culture et civilisation. Essai sur la finalité des fait soclaux. Le Mée-sur-Seine, 1980. P. 211.

Время для человека, а не человек для времени!

Поговорка «на Востоке не торопятся» и чисто дружески обращенный к европейцам совет «*Не суетись!*» скорее фиксируют ситуацию, нежели объясняют ее. Так что для большей части населения Тропической Африки время еще не обладает особой значимостью. Оно попросту не ценится так, как в странах западной цивилизации. Ни свое, ни чужое. Оно еще не связано напрямую с деньгами, прибылью, карьерой. Скорее используется преимущественно как плата за удовольствие общения с приятным человеком и комфортное пребывание в хорошем месте, за удовлетворенность исполнением предписанных традиций, обычаев, за возрастание престижа среди своих – родственников, соплеменников, сослуживцев, за любование природой и другими людьми. Счет времени практически не ведется. По отношению к нему как к безразмерному, неисчерпаемому, находящемуся всегда под рукой в нужном количестве действует логика присваивающего хозяйства, присущего природным цивилизациям.

Чего стоит, к примеру, ставший уже притчей во языцех феномен пресловутого «ганского времени»! Выступая дежурным объектом местного юмора, он заключает в себе одну из самых тягостных, подрывающих структуру партнерского общения местных традиций. Опоздания на несколько часов, а то и дней, воспринимаются как вполне естественные, простительные, с улыбкой, скорее добродушной и лукавой, нежели виноватой и извиняющейся. И практически всегда у опоздавшего или пропустившего встречу находится весьма оригинальное, обычно неожиданное для европейца и вполне убедительное с точки зрения африканца, *объяснение*. Например: крохотная дочь уснула на руках, и жалко было ее перекладывать на «неодушевленную» кровать; я отдыхал, набираясь сил перед долгожданной встречей, и нечаянно задремал; я настолько тщательно готовился к встрече и вчитывался в документы, которые предстояло обсудить, что даже забыл взглянуть на часы. И так до бесконечности...

Один пожилой бизнесмен (в прошлом министр финансов своей страны) обратил мое внимание на то, что когда он отправляется на деловое свидание непосредственно из своего офиса, то безупречно пунктуален. Если же из дома, то непредвиденные задержки почти неизбежны. Скажем, зашел спонтанно кто-то из поистине бесчисленной родни. Не уделить гостю внимания – позор. К тому же он заметил, что я скоро уеду в Москву, а его большущая семья и ее мнение о нем останутся навсегда, перейдут к детям, внукам. Этим шутить нельзя!

Важно подчеркнуть, что такого рода эпизоды отнюдь не следует трактовать как акты легкомыслия или пренебрежения, злонамеренные козни, глубокомысленное желание что-то подчеркнуть. В них нет ничего, кроме того, что в них есть. Просто срабатывает принцип, характерный для иной, по-своему мудрой цивилизации: *время для человека, а не человек для времени!* Действительно, в условиях небольшой деревни бесхитростная формула встречи «на днях, после обеда» наверняка устроила бы всех потенциальных участников беседы.

Часто оказываясь жертвой этого обычая, я попытался разобраться в ситуации. Вскоре стала выявляться некая хрономаргинальность, своего рода *раздвоение времени* (недели, дня, вечера) интеллигентного африканца на традиционное и современное, европеизированное, как правило, с заметным психологическим приоритетом первого по отношению ко второму. Беседуя в офисе, имеешь дело с партнером, подчас ничем, кроме внешности, не отличающимся от соотечественника в подходах к делу, лексике, стереотипах

делового общения. Но, попадая к нему домой, нередко ощущаешь какой-то вневременной синдром «одиначества в толпе», чувствуешь себя неким странником в незнакомой пустыне, воистину затерянным в вяло текущем потоке приходящих и уходящих родственников, соплеменников, земляков, односельчан, ровесников, друзей и знакомых, а то и просто любопытствующих соседей. Ты непрерывно с кем-то раскланиваешься, кому-то пожимаешь руки, обмениваешься парой-другой любезных фраз и беспрерывно улыбаешься в ответ на непритворный интерес к тебе. И все-таки согласитесь: продиктованные неумолимым обычаем вежливость и внимание к гостю – отнюдь не пустая трата времени, а выверенная веками житейская мудрость. Ведь превентивное урегулирование межличностных и межплеменных отношений гораздо практичнее и гуманней, чем расхлебывание стихийно вспыхнувших либо умело спровоцированных кем-то конфликтов.

Маргинальность восприятия и использования времени интеллигентными африканцами нередко сочетается с параллельным исполнением социальных функций и некоторых ритуально-протокольных формальностей, взятых из разных актов всемирной пьесы по имени История. Как-то в Замбии членом парламента этой страны была избрана образованная элегантная молодая женщина. Вскоре скончался вождь этой племенной группы – ее дядя по матери, что очень важно, ибо дух крови в африканском менталитете сильнее патриархальных норм передачи власти. Так вот она, унаследовав его титул и «трон», пять дней в неделю жила в европейском ритме парламента, а на период уик-энда облачалась в изысканное традиционное грандбубу для исполнения весьма отличных от парламентских обязанностей функции племенного вождя, тем более что депутатом она была избрана по родному избирательному округу.

Конечно, ситуация не останется неизменной. Сдвиг наметился, и он необратим. Современная идея времени в перспективе связана не столько с миром вещей и денег, сколько с миром человека и его творческой деятельностью. Последняя обусловлена не только внешними по отношению к индивиду обстоятельствами (экономическими, политическими, социальными, экологическими и прочими), но и его внутренним миром, включая активизацию различных разделов такого универсального и уникального творения природы, каким является человеческий мозг.

Список литературы

Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психол. журн. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 304 с.

Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1988. 416 с.

Андреев И.Л. Зрение и слух как маркеры генезиса сознания // Вопр. филос. 2012. № 7. С. 156–166.

Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

Заварзин Г.А. Бытие и развитие: эволюция, сукцессия, хаэссеитас // Вестн. РАН. 2007. Т. 77. № 4. С. 334–340.

Монго Бетти. Исцеленный король / Пер. с фр. М. Вакемахера. М.: Прогресс, 1966. 192 с.

Страницы африканской поэзии: XX век / Пер. с фр. М. Вакемахера. М.: Наука, 1980. 167 с.

- Синицына И.Е.* В мире обычая. М.: Вост. лит., 1997. 144 с.
- Шишков С.* Преступление и наказание в мире магии, мифов и колдовства // Наука и жизнь. 2016. № 1. С. 42–54.
- Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени / Пер. с нем. А.М. Боковой. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
- Andreev I.L.* A Handless Dial // Herald of Russian Academy of Sciences. 2003. Vol. 73. No. 1. P. 54–61.
- Andreev I.L.* Philosophical Aspects of Neurophysiology // Herald of Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 85. No. 3. P. 173–179.
- Andriamanjato R.* Le Tsiny et le Tody dans la pensee malgache. P.: Présence Africaine, 1982. 101 p.
- Dogbé Y.E.* Negritude, culture et civilisation. Essai sur la finalité des fait soclaux. Le Mée-sur-Seine: Education Akpagnon, 1980. 271 p.
- Mbiti J.S.* African Religions and Philosophy. N.Y.: Heinemann, 1969. 290 p.
- Mbiti J.S.* Concepts of God in Africa. L.: S.P.C.K., 1970. 350 p.
- Senghor L.S.* Liberte 1. Negritude et humanisme. P.: Editions du Seuil, 1964. 448 p.
- Senghor L.S.* Nation et voie africane du socialism. P.: Présence Africaine, 1961. 138 p.

**The African paradigm of time.
Attitude towards time among the peoples
dwelling to the south of Sahara**

Igor Andreev

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: iglandreev@mail.ru

This article attempts a philosophical anthropological and ethnopsychological analysis of the algorithms of time perception among the African peoples dwelling to the south of Sahara, considering time both in its role as an objective condition of their existence and a fundamental element of traditional consciousness, and from the viewpoint of their attitudes toward it which can be observed in the structure of their individual and group daily activity. The author argues that while the Western mentality tends to lean towards a rational understanding of the place of man in the world (both nature and society) which undergoes change with time, the 'Eastern' mentality is rather inclined to grasp the reflection of an evolving local nature and society within the particular person's mind and body in an altogether sensual manner, 'switching off' the social time as it is known in the Western culture. All this casts doubt on the idea, implicitly transmitted by both academic humanities and mass culture, of the universality of Eurocentric intellectual stereotypes which permeate Modern Age philosophy with its predominant attention to man's instrumental and logical communication with the natural and social environment under the strict temporal normalization of all life activities. In the 'natural' civilizations of the East, on the contrary, mass mentality is much more influenced by the internal psychological unity of the temporally perpetual traditional society in the face of the external world, both natural and social. Such unity carries an enormous potential of social passionarity.

Keywords: man, time, clocks, traditional mind, communication

References

- Abul'hanova-Slavskaja, K. "O putjah postroenija tipologii lichnosti" [On ways to build typologies of personality], *Psihologicheskij zhurnal*, 1983, Vol. 4, No. 1, pp. 14–29. (In Russian)
- Abul'hanova-Slavskaja, K. *Strategija zhizni* [The strategy of life]. Moscow: Mysl' Publ., 1991. 304 pp. (In Russian)

- Andreev, I. "A Handless Dial", *Herald of Russian Academy of Sciences*, 2003, Vol. 73, No. 1, pp. 54–61.
- Andreev, I. "Philosophical Aspects of Neurophysiology", *Herald of Russian Academy of Sciences*, 2015, Vol. 85, No. 3, pp. 173–179.
- Andreev, I. "Zrenie i sluh kak markery genezisa soznaniya" [Sight and hearing as markers of the Genesis of consciousness], *Voprosy filosofii*, 2012, No. 7, pp. 156–166. (In Russian)
- Andreev, I. *Proishozhdenie cheloveka i obshchestva* [The origin of man and society], 2nd ed. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 416 pp. (In Russian)
- Andriamanjato, R. *Le Tsiny et le Tody dans la pensee malgache*. Paris: Présence Africaine, 1982. 101 pp.
- Dogbé, Y.E. *Negritude, culture et civilisation. Essai sur la finalité des fait soclaux*. Le Mée-sur-Seine: Education Akpagnon, 1980. 271 pp.
- Gajdenko, P. *Vremja. Dritel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropejskoj filosofii i nauke* [Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2006. 464 pp. (In Russian)
- Jung, C.G. *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the soul of our time], trans. by A. Bokovikov. Moscow: Progress Publ., 1994. 336 pp. (In Russian)
- Mbiti, J.S. *African Religions and Philosophy*. New York: Heinemann, 1969. 290 pp.
- Mbiti, J.S. *Concepts of God in Africa*. London: S.P.C.K., 1970. 350 pp.
- Senghor, L.S. *Liberte I. Negritude et humanisme*. Paris: Editions du Seuil, 1964. 448 pp.
- Senghor, L.S. *Nation et voie africane du socialism*. Paris: Présence Africaine, 1961. 138 pp.
- Shishkov, S. "Prestuplenie i nakazanie v mire magii, mifov i koldovstva" [Crime and punishment in the world of magic, myths and witchcraft], *Nauka i zhizn'*, 2016, No. 1, pp. 42–54. (In Russian)
- Sinitsyna, I. *V mire obychaya* [In the world of custom]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1997. 144 pp. (In Russian)
- Vakemakher, M. (tr.) *Mongo Beti, Isceljonnyj korol'* [Healed the king]. Moscow: Progress Publ., 1966. 192 pp. (In Russian)
- Vakemakher, M. (tr.) *Stranicy afrikanskoj poezii: XX vek*. [Page African poetry: XX century]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 167 pp. (In Russian)
- Zavarzin, G. "Bytie i razvitie: jevoljucija, suksessija, hajesseitas" [Genesis and development: evolution, succession, haecceitas], *Vestnik RAS*, 2007, Vol. 77, No. 4, pp. 334–340. (In Russian)